

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'276.6: 81'42

М.В. Батюшкина

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрены законодательные тексты, описаны их основные функциональные и структурно-содержательные жанрообразующие параметры. Обозначена проблема внутрижанровой типологии. Исследуется соотношение текстов базовых и трансформирующих законов, их интертекстуальных связей. Поставленные задачи решены путем анализа действующего российского законодательства и памятников российского права. Определяются перспективы дальнейших научных исследований в заданном направлении.

Ключевые слова: законодательный текст; понятие и признаки закона; функциональный стиль; жанр; субжанр.

Законодательный текст является особой формой представления правовой информации и особым способом создания правовой действительности. Как отмечает Е.А. Юртаева, тексты законов «фактически являются собой пример структурно-семиотического оформления функционирования государственной власти и социальной жизни» [1. С. 119]. Выступая элементом правовой культуры, текст закона отражает определенные общественные ценности, накопленные за время развития данной культуры. В силу этого законодательный текст имеет специфические взаимосвязанные особенности, характеризующие его создание, содержание, форму и интердискурсивную адаптацию.

Несмотря на развитие жанроведения (М.М. Бахтин, Л.А. Борисова, В.Е. Гольдин, О.Б. Горобец, В.В. Деметьев, Е.А. Земская, К.Ф. Седов и др.) и теории документного текста (С.П. Кушнерук, А.А. Дьякова и др.), жанрообразующие параметры текстов современных российских законов еще недостаточно изучены в отечественной лингвистике.

Представители юридической лингвистики (О.В. Барабаш, К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.А. Осадчий, С.П. Хижняк и др.) в связи с задачами развития данной прикладной науки, обусловленными правотворческой, правоприменительной и экспертно-консультационной видами профессиональной деятельности, основное внимание уделяют лингвистической экспертизе и диагностике. В рамках исследований проблем лингвистической экспертизы законопроектов жанровые параметры законодательных текстов до настоящего времени не изучены.

Между тем исследование законодательного текста как речевого жанра, формирующегося специально для целей юридического дискурса и обладающего свойствами только ему специфическими особенностями, является актуальной лингвистической проблемой. Для целей настоящего исследования юридический дискурс понимается как совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, благодаря которым происходит порождение и восприятие правовых текстов и осуществляется правовая коммуникация.

Законодательные тексты являются объектом исследования разных наук (прежде всего лингвистики, истории, права). Это обстоятельство проясняет разно-

родность источников, подготовивших теоретический фундамент исследования. Материалом исследования являются тексты российских законов, принятых в начале XXI в. В качестве особых источников рассматриваются памятники российского права XI–XX вв.

Теоретический анализ. Основываясь на представление Ю.М. Лотмана об особенностях перекодирования сообщения в процессе развития юридического языка [2], можно сказать, что рассмотрение законодательного текста как особого речевого жанра преследует две основные цели. С одной стороны, уточнение процедуры порождения законодательного текста в диахроническом и синхроническом аспектах и в связи с этим правил и моделей, по которым создаются и воспринимаются законодательные тексты, а также материализуются структурные законы языка. С другой стороны, определение функционирования законодательного текста, порождающего юридический дискурс.

Оставаясь за рамками данной статьи подробное рассмотрение диахронического аспекта исследуемой проблемы, сделаем несколько замечаний относительно развития понятия «закон».

Во-первых, по мнению юристов, правовой текст «вырос» из обычаев первобытных обществ, в которых были установлены порядок каких-либо действий в определенных ситуациях или, наоборот, запрет на какие-либо действия (табу), а также порядок наказания за нарушение обычая или запрета [3. С. 24; 4. С. 44; 5. С. 7–10]. Образование правовых текстов и их дальнейшая трансформация, обусловленные развитием общества, изменением политико-правового устройства государства, противопоставлением правовых, этических и религиозных обычаев, способствовали тому, что нарушение права постепенно стало ассоциироваться не с моральными или религиозными проступками, а с определенным письменным текстом, в котором были установлены предписания правового характера.

Во-вторых, первые образцы правовых текстов были чрезвычайно разнообразны и не обладали уникальными свойствами и формой современных законов, но имели сходную с ними цель – установление предписаний правового характера [6]. Длительный период закон понимался в предельно широком смысле как любой письменный акт, в котором отражались явления общественно-политической жизни, административной

и судебной деятельности, военного и морского дела. Вместе с тем каждый из данных текстов содержал в себе, как в зародыше, черты и свойства, характерные для более поздних видов законодательных текстов, например, в зависимости от объема и тематики сводный акт мог иметь различную рубрикацию.

В этой связи напомним, что князья Древней Руси, цари Московского государства, императоры Российской империи издавали не «законы», а сводные акты, именовавшиеся «правдами», «судебниками», «судными грамотами», «указами», «уложениями», «регламентами», «уставами», «наказами», «манифестами» и др. Примеры: «Русская Правда», Псковская судная грамота 1467 года, Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года, Генеральный регламент 1720 года, Свод Основных государственных законов 1832 года.

Только на рубеже XIX–XX вв. закон стал позиционироваться не как множество форм, а как самостоятельная, «главная и единственная форма выражения государственной воли» [7. С. 132], форма, в которой определены «обязательные правила поведения людей в обществе» [8. С. 50]. На основании положений Основных государственных законов 1906 г. [9] можно сделать вывод, что отличие закона от иных актов состояло: в особой ритуализированной процедуре принятия, подписания и обнародования текста; в наивысшей степени юридической силы и обязательности закона; в регулирующей функции, выражающейся в реализации права; в обособлении законодательной власти от иных видов государственной власти.

Несмотря на целенаправленное обособление закона от иных актов, традиции двойного понимания закона сохраняются по настоящее время. Например, в «Большом юридическом словаре» [10] в узком смысле закон определяется как юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением народа (в порядке референдума) и регулирующий, как правило, наиболее важные общественные отношения. В широком смысле под законом подразумеваются нормативные акты в целом, все установленные государством общеобязательные правила. Двойственность юридического понятия «закон» отмечается и в научных исследованиях (Т.В. Анисимова, Л.А. Борисова, О.В. Нагора, И.Б. Руберт и др.).

Как будет показано ниже, понятие «закон», рассматриваемое в узком смысле, также является родовым по отношению к определенному множеству законодательных актов. Анализ российского законодательства показывает, что тексты современных российских законов представляют собой совокупность автономных текстов, которые могут быть объединены в отдельные классы (корпусы) текстов по функциональному, формальному и содержательному параметрам. В связи с этим понятие «законодательный текст» рассматривается автором в качестве родового по отношению к понятиям «конституция», «кодекс», «закон о внесении изменений» и др.

В-третьих, особое внимание следует обратить на письменную фиксацию правовой информации: с одной стороны, данная форма предполагала ритуальную са-

крализацию текста и передачу его от поколения к поколению; с другой стороны, в письменной форме прослеживаются предпосылки для зарождения юридического языка. Развивающийся юридический язык стал специальным «кодом», с помощью которого происходили оформление правового содержания и его эволюция.

Анализ памятников российского права показывает определенные исторические этапы в развитии юридического языка, с помощью которого происходило унифицированное оформление правового содержания. Так, заимствованные конструкции первоначально употреблялись параллельно с исконными, а затем вместо них. В качестве примера приведем толкования, которыми сопровождалась заимствованная лексика в Генеральном регламенте 1720 г.: *интерес – прибыль и польза, апробируется – за благо приемлется, рекомендации – прошение об одном к другому* [11. С. 542]. В дальнейшем синонимия терминов была устранена: вместо исконной лексики (*прибыток и польза, за благо приемлется, прошение об одном к другому*) стала использоваться заимствованная (*интерес, апробируется, рекомендации*). Наряду со «значительным количеством иноязычных заимствований» Е.А. Юртаева ключевыми тенденциями развития юридического языка называет «преодоление книжно-славянского стиля» и «сближение лингвостилистических элементов официально-деловой речи» [12. С. 107–108, 113].

Система текстов российских законов. В связи с федеративным типом устройства российского государства совокупность законодательных текстов образует корпус текстов российских федеральных законов и корпус текстов региональных законов (в свою очередь, внутри данного корпуса могут быть выделены корпусы законов республик, краев, областей и др.). Корпус текстов федеральных законов включает тексты Конституции РФ, федеральных конституционных законов, законов Российской Федерации, основ законодательства, кодексов, федеральных законов, законов о внесении изменений в базовые федеральные законы, законы о признании законодательных актов утратившими силу. Корпус текстов региональных законов включает тексты региональных конституций (уставов), кодексов и законов, региональных законов о внесении изменений в базовые региональные законы, региональные законы о признании законодательных актов утратившими силу. В юридическом дискурсе иерархия указанных законов обусловлена различием их «юридической силы» (А.В. Безруков, Л.В. Пирожкова, С.Б. Сафина, И.Б. Щеголев и др.).

Система российских законов представляет собой совокупность законодательных текстов и классов текстов, находящихся между собой в родовидовых отношениях. Совокупность текстов законов и классов текстов законов можно сравнить с открытым множеством, поскольку существует вероятность: во-первых, включения в любой текст и класс текстов других текстовых компонентов; во-вторых, исключения какого-либо текста-компонента из законодательного текста, класса текстов; в-третьих, порождения на основе законодательного текста или класса текстов новых законодательных текстов и классов текстов. В связи с этим возможно многократное изменение правового содержания

и формы его представления. Ключевую роль в трансформации законодательных текстов выполняет изменение текста закона, которое осуществляется не прямо, посредством его переиздания, а косвенно, с помощью разработки и принятия совершенно нового текста закона, основным предметом которого является трансформация ранее принятого базового закона (внесение изменений в базовый закон). Так, Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» является базовым, а законы, которыми были внесены в него изменения, – трансформирующими. (Понятие трансформирующих законов мы используем вслед за М.Е. Жуковой [13].)

Несмотря на то что трансформирующие законы создаются на основе базовых, текст базового и трансформирующего законов можно назвать «первичным» и «вторичным» лишь условно. Дело в том, что с точки зрения временной последовательности «первичным» текст базового закона остается только до момента внесения в него первого изменения. После этого происходит совмещение содержания текстов базового и трансформирующего законов. В какой-то степени трансформирующий закон становится «первичным» по отношению к базовому, поскольку обуславливает изменение текста базового закона. При указанной интерпретации тексты базового и трансформирующего законов меняются местами: второе (трансформирующий закон) становится определяющим по отношению к первому (базовому закону). Конечный текст закона с учетом всех внесенных в него изменений вновь становится «первичным» по отношению к новому трансформирующему закону, а после внесения изменений – «вторичным» по отношению к нему. Дальнейшие последовательно вносимые изменения в текст базового закона еще более усложняют смысловые отношения как между текстом базового закона и текстами, которыми он последовательно изменяется (между целым и частями целого), так и между текстами трансформирующих законов (между частями целого). Следует также отметить, что одним трансформирующим законом могут быть внесены изменения в несколько базовых законов. Это еще более усложняет взаимосвязь между законодательными текстами.

Множество текстов базовых законов и множество текстов трансформирующих законов, хотя и существуют в тесном единстве, составляют две различные, но одинаково важные структурные общности, находящиеся в двухсторонней связи. После принятия трансформирующего закона и его официального «вступления в силу» в юридическом дискурсе автономно и одновременно существуют два самостоятельных законодательных текста: текст трансформирующего закона и абстрактный образ базового закона с внесенными в него изменениями, своего рода абстрактный интертекст закона, который с помощью электронных ресурсов может быть преобразован как в электронный, так и печатный варианты текста закона. Поэтому тексты базового и трансформирующего законов можно рассматривать с различных позиций: как два самостоятельных текста, как целое и часть, как два подтекста одного интертекста.

Базовые и трансформирующие законы имеют общие особенности, благодаря которым формируется

представление о законодательном стиле и параметрах законодательного текста как речевого жанра, а также частные особенности, на основе которых могут быть выделены субжанры законодательных текстов.

Общие жанрообразующие параметры законодательных текстов. Общие особенности могут быть отнесены к лингвистическим и экстралингвистическим. Экстралингвистические особенности законодательных текстов, прежде всего, функции, содержание, процедура подготовки и применения на практике, в большей степени исследованы в правовой науке (С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Ю.А. Тихомиров и др.), хотя, безусловно, представляют интерес для политологов и историков. Лингвистические особенности рассматриваются при исследовании различных аспектов официально-делового стиля речи (Р.А. Будагов, Л.О. Бугакова, В.Ю. Копров, Л.П. Крысин, Г.Я. Солганик, О.П. Сологуб и др.) либо юридического дискурса (Н.Д. Голев, В.И. Карасик, Л.В. Колесникова, О.А. Крапивкина, Л.Е. Попова и др.). Однако и в правовой науке отмечается интерес к проблемам языка права, который рассматривается как неотъемлемая часть юридико-технических особенностей подготовки правовых текстов в целом (А.С. Пиголкин, Ю.Б. Фогельсон, Н.Г. Храмцова, Е.А. Юртаева и др.).

На наш взгляд, родовым жанрообразующим параметром, определяющим общие лингвистические и экстралингвистические особенности законодательных текстов, является функциональный, поскольку процессы создания и применения законодательных текстов обусловлены сверхзадачей закона – регуляцией поведения субъектов юридического дискурса за счет установления определенных типов коммуникативных поведенческих установок. В этой связи согласимся с мнением Л.А. Борисовой, рассматривающей законодательный текст в качестве речевого жанра, «предполагающего невербализованный ответ адресата (в виде действия или воздержания от совершения действия) и имеющего своей основной целью предписание определенной модели поведения и регулирование определенного типа отношений» [14. С. 5].

Сверхзадача закона реализуется в дискурсивных функциях законодательного текста: информационной (трансляция правовой информации); регулятивной (регулирование различных сфер общественных отношений); директивной (передача волеизъявления); конструирующей (конструирование юридического дискурса, способов его интерпретации, трансформация установленного порядка); воздействующей (манипулятивное воздействие на адресата с целью осознанного или неосознанного участия в юридическом дискурсе и выбора того или иного типа поведения). Выделение различных функций обусловлено тем, что законодательный текст является одновременно и результатом коммуникативной правотворческой деятельности, и источником права, и формой воплощения права.

Поскольку цель определяет содержательный и формальный критерии, вышеназванные функции могут быть отнесены к одному из двух равнозначных аспектов: *что сказать?* (предметному) и *как сказать?* (формальному). Данные аспекты реализуются в

функциональных, формальных, содержательных и процессуальных характеристиках, которые являются общими для всех законодательных текстов и могут быть названы жанрообразующими. Обязательное соблюдение жанрообразующих параметров при разработке, принятии и реализации закона гарантирует рассмотрение данного закона в качестве источника права, и наоборот, нарушение какого-либо жанрообразующего параметра влечет отмену закона.

Функционально-содержательные характеристики. Законодательные тексты регулируют практически все сферы социальных отношений (политическую, финансово-экономическую, социальную, этноязыковую, семейную, образовательную, трудовую, жилищную и др.) и в совокупности выражают тематическую структуру единого институционального пространства. В этом пространстве совокупность законодательных текстов позиционируется как система объективно верных, обобщенных знаний о правовой действительности.

Предметом отдельного закона является тот фрагмент реальности, который моделируется законодателем и является частью юридического дискурса. В законодательном тексте задан определенный угол зрения, под которым следует рассматривать действительность, определены содержание, объем и рамки поведения адресата в границах юридического дискурса, мера самостоятельности и ответственности адресата. Степень содержательной конкретизации и детализации в законодательном тексте прямо пропорциональна пределам поведения субъектов юридического дискурса.

Ориентиром при подготовке законодательных текстов выступает текст Конституции России, выполняющей государствообразующие, правовые, политические и идеологические функции и составляющей смысловое ядро российской правовой системы [15. С. 7]. Конституция рассматривается как текст особой значимости, ценности и сакральности. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что главы субъектов Российской Федерации произносят присягу, положив руку на тексты Конституции России и конституции (устава) региона.

Говоря об общих **формальных характеристиках**, мы, прежде всего, предполагаем композиционные особенности, реквизиты и рубрикацию. С одной стороны, формальная структура обеспечивает содержательную логику текста (целостность и связность), родовидовую взаимосвязь норм, доступность для понимания, способствует точному цитированию текста, а также внесению в закон изменений. С другой стороны, формальная структура обусловлена соблюдением традиции подготовки законодательных текстов, стремлением формировать представление об их значимости.

Рубрикация законодательного текста зависит от его объема и осуществляется по тематическим блокам. К тематическим блокам законодательного текста относятся: вводный, основной и заключительный. Вводный блок содержит предмет закона, понятийный аппарат и общие нормы. Преамбулы не содержат правовые предписания и являются вводной частью только в текстах конституций. Основной блок – соб-

ственно нормативный – содержит положения о правах, обязанностях, гарантиях, полномочиях и юридической ответственности субъектов. Нормативные положения находятся в причинно-следственной связи: права обуславливают наличие обязанностей, полномочий и ответственности (в случае их нарушения или неисполнения, неправильного исполнения) и т.д. Текстуально основной блок может состоять из нескольких статей, глав и разделов (в зависимости от объема текста). В заключительном блоке представлены положения о сроках и порядке закона «вступления закона в юридическую силу», о действии закона и др. Такая композиция является типовой, но необязательной. Заключительный блок может отсутствовать, что, впрочем, не свидетельствует об усеченности композиции, поскольку подразумевается, что при «вступлении закона в юридическую силу» и его действии применяется общий порядок. Закон может содержать таблицы, графики, карты, схемы и иные изображения, которые, как правило, оформляются в виде приложения к основному законодательному тексту.

Чем содержательнее закон, тем сложнее его композиция. Большинство законодательных текстов можно отнести к одному из трех структурных типов: одноступенчатым, если текст делится только на статьи, двухступенчатым (главы → статьи), трехступенчатым (части → главы → статьи) или (разделы → главы → статьи) и четырехступенчатым (части → разделы → главы → статьи). Например, одноступенчатую рубрикацию имеет текст Федерального конституционного закона «О государственном гербе Российской Федерации», двухступенчатую – Земельный кодекс, трехступенчатую – Конституция РФ, Семейный кодекс, четырехступенчатую – Трудовой кодекс.

Структурные элементы законодательного текста имеют сквозную нумерацию и названия. Статья содержит законченное правовое положение и является основным структурным элементом закона. При необходимости статьи подразделяются на пункты (части), подпункты (части пунктов) и абзацы. На разделы и главы разбивается только сложный по своему содержанию и построению законодательный текст. При этом в одной главе объединяются близкие по содержанию статьи, а в одном разделе – близкие по содержанию главы. Кодексы отличаются усложненными формально-содержательными характеристиками, поскольку представляют собой систематизированные законы по отдельным отраслям права.

Реквизиты передают «первичную» информацию о законе и являются его обязательными атрибутами, выделяющими закон из ряда прочих законов и других правовых актов. В строгой последовательности указываются: государственное образование, на территории которого принят текст закона (*Российская Федерация*); форма закона (*федеральный закон*); название закона (*«О свободном порте Владивостока»*) [16]; субъект, принявший текст закона, и дата принятия (*Принят Государственной Думой 3 июля 2015 г.*); в двухпалатных парламентах – субъект, которым одобрен текст закона, и дата одобрения (*Одобен Советом Федерации 8 июля 2015 года*); субъект, подписавший закон (*Президент Российской Федерации*); место

подписания текста закона (*Москва, Кремль*); дата подписания текста закона и регистрационный номер (*13 июля 2015 года № 212-ФЗ*). К невербальному знаку, выполняющему функцию реквизита, относится изображение герба, располагаемое вверху титульного листа закона.

Общие *характеристики создания и интердискурсивной адаптации*. С точки зрения процедурных особенностей, все законодательные тексты в процессе своего создания парламентом и реализации в правоприменительном дискурсе проходят одинаковые этапы: законопроектный (этап проектирования), экспертный (междисциплинарный детальный анализ всех положений законопроекта), этап рассмотрения и принятия закона (чтения), этапы подписания, опубликования и вступления в силу, этап трансформации текста закона, этап признания закона «утратившим силу». Экстралингвистические особенности данных этапов, в том числе процедурные правила создания закона, подробно рассматриваются российскими правоведами [17].

На каждом этапе по отношению к тексту закона осуществляются различные ритуально-символические действия субъектов юридического дискурса. Такие действия могут быть как однократными (лингвистическая экспертиза определенного текста закона, голосование за определенный текст закона), так и многократными (повторяющиеся в законодательном процессе экспертный лингвистический анализ и процедуры голосования, применяемые по отношению ко множеству законов).

Поскольку юридический дискурс осуществляется в реальном и виртуальном пространстве, законодательные тексты, относящиеся к числу книжных стилей, функционируют в двух формах речи: печатной и электронной. Появление электронного образа текста закона объясняется внедрением электронных ресурсов в сферу деловой коммуникации. Благодаря электронным средствам может быть создана актуальная редакция закона, используемая в юридическом дискурсе наряду с отдельно взятыми текстами базового и трансформирующего закона. Это, в частности, способствует сравнительной характеристике текстов базового закона до и после внесения в него изменений при проведении экспертного лингвистического анализа. Кроме того, электронные ресурсы способствуют развитию практики модельного (единообразного) законодательства.

Электронные ресурсы позволяют адресату быть активным по отношению к законодательному тексту: а) выбирать формат чтения, копировать и комментировать текст и на этой основе создавать свой текст; б) осуществлять поиск слов и речевых ситуаций; в) работать с рубрикацией и реквизитами; г) осуществлять переход из одного законодательного текста в другой и возвращаться в исходный текст с помощью ссылок, осуществлять переход по ссылкам между частями одного текста; д) сравнивать разные редакции законов: актуальную (действующую) и неактуальную (уже недействующую или еще недействующую); е) искать к тексту дополнительную информацию (научные комментарии, судебную практику) и др. Данные операции позволяют адресату формировать

собственный целостный образ законодательного текста, а также представление о причинно-следственной взаимосвязи нормативных понятий.

К жанрообразующим *лингвистическим особенностям* законодательных текстов мы относим: сочетание языковых единиц одного регистра, обобщенность категорий, терминологическое единообразие, речевые и композиционные шаблоны.

Под лексическим регистром мы понимаем такое употребление слов, которое связано с дискурсивно обусловленными задачами применения законодательных текстов. Основной лексический состав законов представлен юридической, экономической и иной специальной терминологией, высокой и нейтральной лексикой. Наряду с общеправовыми терминами (*закон, норма, право, обязанность, полномочие, ответственность, контроль, надзор* и др.) используются группы терминов соответствующих отраслей законодательства: гражданского (*физические лица, правоспособность, дееспособность, опека, банкротство, дарение, завещание*); трудового (*трудовой договор, рабочее время, оплата труда, материальная ответственность, охрана труда*) и др.

В особом терминологическом значении нередко используется и нейтральная лексика. Например, в Конституции России слово *человек* употребляется не в нейтральном значении («конкретное человеческое существо, индивид»), а в значении «юридического субъекта, наделенного правами и обязанностями».

Речевые штампы, по сравнению с терминологией, представлены в меньшей степени. Однако их употребление обусловлено правотворческими традициями оформления текста закона и является очень продуктивным (*предмет регулирования, третьи лица, стороны, настоящий Закон, согласно статье, в соответствии с, вступает в силу с, дата официального опубликования* и др.).

Для того чтобы распространить определенное правило на какое-либо множество субъектов и условий, необходимо нивелировать различия между этими субъектами и условиями, сделав приоритетным какую-то одну характеристику. Это достигается за счет таких средств, как обобщение, объективация, использование слов с высокой степенью абстракции, позволяющих широко толковать и применять законодательный текст.

Для акцентирования внимания на наиболее важных с позиции законодателя положениях используется инверсия. Сравните: *Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы* (ст. 3 Конституции России) – *Референдум и выборы являются высшим непосредственным выражением власти народа; В процессе официального толкования нормативных правовых актов не могут создаваться новые правовые нормы* (ст. 47 Закона Омской области «О нормативных правовых актах Омской области») [18] – *Новые правовые нормы не могут создаваться в процессе официального толкования нормативных правовых актов*.

При изложении правовых норм используется калькирование, предусматривающее практически дословное воспроизведение и тождественность построения

предложений. Сравните: 1) *В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти* (ст. 12 Конституции России); 2) *В Приморском крае признается и гарантируется право населения на местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти* (ст. 10 Устава Приморского края [19]).

Определенные шаблоны применяются при формулировании названия закона. Как правило, название формулируется в дательном падеже и начинается с предлога дательного падежа «О» («Об»), напр.: *О Государственном флаге Российской Федерации, Об обществах с ограниченной ответственностью*. Названия, формулируемые в именительном падеже, свойственны правовым актам, принимаемым в форме конституций (уставов), основ законодательства и кодексов (*Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, Трудовой кодекс Российской Федерации, Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации*). В связи со смысловыми связями название и текст закона могут быть рассмотрены как два соотносимых, но самостоятельных текста, обладающих собственными смыслами, либо как два подтекста одного текста, логически взаимосвязанных и дополняющих друг друга.

Частные жанрообразующие параметры законодательных текстов. Частные особенности исследуются нами в качестве дополнительных параметров описания законодательных текстов. По своим экстралингвистическим и лингвистическим параметрам на основе частных параметров мы противопоставляем субжанры базовых и трансформирующих законов.

Трансформирующие законы разрабатываются и принимаются при необходимости изменения текстов базовых законов. К субжанру трансформирующих законов мы относим тексты законов Российской Федерации о поправках в Конституцию России, законов о внесении изменений в федеральные законы, законов о внесении поправок в конституции (уставы) регионов, законов о внесении изменений в иные региональные законы. Законы о поправках, в отличие от иных трансформирующих законов, отличаются усложненной процедурой принятия (как и тексты конституций (уставов)).

Поскольку один базовый закон может быть изменен рядом трансформирующих законов, в количественном отношении трансформирующие законы преобладают по сравнению с базовыми. Так, за последние пять лет было принято около 3 000 текстов российских законов, из них более 2 400 – о внесении изменений. В связи с чем можно сказать, что направленность на трансформацию действующих норм является тенденцией современного законодательства. Внутри структурной общности трансформирующих законов могут быть выделены группы законов в зависимости от таких факторов, как количество базовых законов, в которые вносятся изменения; количество структурных единиц, в которые вносятся изменения;

количество вносимых изменений; качественная конкретизация изменений в названии закона.

Трансформация структурных единиц законодательного текста осуществляется с учетом особых правотворческих традиций [20], а необходимость соблюдения данных традиций делает тексты трансформирующих законов более клишированными по сравнению с текстами базовых законов.

В названии трансформирующего закона отражена целевая установка принятия закона – внесение изменений, а при конкретизации названия – тематика или обусловленность вносимых изменений. Название отражает системные связи между трансформирующим и базовым законами и представляет собой комплекс из двух частей: в первой указывается цель принятия закона – внесение изменений, во второй – название подлежащего изменению базового закона: *[О внесении изменений] [в Градостроительный кодекс Российской Федерации]*. Анализ текстов российских законов показывает, что в последние годы разработчики законодательных текстов стараются придерживаться следующего правила: если изменения вносятся в одну или две статьи закона, в названии указываются номера изменяемых статей: *О внесении изменений в статьи 51 и 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации*. Конкретизация названия трансформирующего закона может осуществляться при одновременном изменении двух базовых законов: *О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 14 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»*. При внесении изменений в несколько законов вместо перечисления названий законов используется либо обобщенная формулировка: *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*, либо обобщенная формулировка, осложненная дополнительным компонентом, поясняющим тематику или обусловленность принятия закона: *О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан в Санкт-Петербурге*. Обобщенные наименования, на наш взгляд, используются в связи с тем, что многословные названия, хотя и точнее отражают наименование базовых законов, не удобны в правовой коммуникации (при цитировании, оформлении ссылок на текст закона и проч.).

Тексты трансформирующих законов состоят из двух частей: сопроводительной и нормативной. Первая содержит информацию о базовом законе и его структурных элементах, в которые вносятся изменения, вторая – вносимые изменения (собственно нормативные положения).

Сопроводительный текст строится на основе стандартных речевых формул и, в свою очередь, может быть условно поделен на вводную и внутреннюю части. Во вводной части содержится информация о базовом законе, в который вносятся изменения, его реквизитах, официальной публикации. Вводная часть, как правило, начинается словом «Внести» (передающим семантику волеизъявления) и заканчивается словосочетанием «*следующие изменения:*». Во внутренней части приводится информация о том, каким образом необхо-

димо внести то или иное изменение в ту или иную структурную единицу базового закона. Все изменения вносятся последовательно с учетом следующих друг за другом структурных единиц базового закона и заключаются в кавычки для того, чтобы отличить текст изменений от внутреннего сопроводительного текста.

При внесении изменений применяются стандартные формулировки, основанные на использовании глагольных форм (передающих семантику волеизъявления) в сочетании с именными частями речи. Примеры: *в статье 1 слово «...» заменить словом «...»; цифры «...» заменить цифрами «...»; абзац второй изложить в следующей редакции: «...»; статью 5 дополнить пунктом 4 следующего содержания: «...»; приостановить до 1 января 2017 года действие абзаца четвертого пункта 2 статьи 6 Федерального закона «...»; статью 3 Федерального закона «...» признать утратившей силу*. Как показывает анализ текстов трансформирующих законов, выбор той или иной формы внесения изменения в текст базового закона обусловлен определенными требованиями. Например, если количество внесенных изменений составляет более половины текста статьи, статья излагается в новой редакции.

За счет речевых формул унифицирован как процесс создания текста трансформирующего закона, так и процесс его интеграции в текст базового закона при создании актуальной редакции, т.е. создании текста базового закона таким, каким он должен быть после трансформации.

Отметим, что нередко при совмещении в одном законодательном тексте текста базового закона и текстов трансформирующих законов создаются «гибридные» формы законодательных текстов. Данные тексты отличаются усложненной композицией и могут быть отнесены к особому субжанровому подтипу.

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Синхронический и диахронический аспекты прове-

денного анализа позволяют автору сделать вывод о том, что становление законодательного текста как речевого жанра отражает процесс формирования представления о генезисе правового содержания и формы его вербального выражения.

Исследование законодательных текстов предполагает анализ взаимосвязанных лингвистических и экстралингвистических характеристик, которые, в свою очередь, могут быть сведены к трем ключевым жанрообразующим параметрам: функциональному, предметному и формальному. Именно данные параметры в совокупности определяют универсальные черты текстов законов, позволяющие отличать закон от других актов, не имеющих в современном юридическом дискурсе «силу» закона (указов, постановлений, распоряжений).

В связи с анализом задач создания законов, т.е. тем, для чего создается и используется тот или иной закон в институциональном пространстве, возникает вопрос о жанровой неоднородности законодательных текстов и выделении субжанра базовых законов и субжанра трансформирующих законов.

Безусловно, проблема жанрообразующих параметров законодательных текстов не исчерпывается вопросами, исследуемыми в рамках данной статьи. В связи с тем, что законодательный текст утрачивает свойство текста – статичность (неизменность) и приобретает дискурсивные свойства (в частности, развитие во времени, ориентированность на процесс применения закона, завершенность в виде электронной закреплённости, экстралингвистические параметры производства и восприятия текста), требуют дальнейшего изучения лингвистические и экстралингвистические понятия, используемые при исследовании родовидовой взаимосвязи типов законов, проблемы корреляции текстов базового и трансформирующего законов, а также законодательного интертекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юртаева Е.А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 106–120.
2. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. I. 360 с.
4. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1990. 200 с.
5. Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. Минск : Наука и техника, 1993. 119 с.
6. Основные законы XI–XXI в.: тысячелетие российского законотворчества (памятники российского права с комментариями специалистов): Отчет о НИР. М. : РОССПЭН, 2013. 2070 с.
7. Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань : Б.и., 1909. 500 с.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : РОССПЭН, 2010. 261 с.
9. Основные государственные законы 1906 г. // ИПС «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.10.2016).
10. Большой юридический словарь. URL: http://slovonline.ru/slovar_blegal/b-8/id-2060/zakon.html (дата обращения: 25.10.2016).
11. Генеральный регламент 1720 года // Основные законы XI–XXI века: тысячелетие российского законотворчества (памятники российского права с комментариями специалистов): Отчет о НИР. М. : РОССПЭН, 2013. С. 505–542.
12. Юртаева Е.А. К пониманию закона в дореволюционной России // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 83–98.
13. Жукова М.Е. Законодательный дискурс как объект семиотического исследования // Вестник Московского государственного университета. Серия: «Русская филология». 2011. № 5. С. 46–52.
14. Борисова Л.А. Композиция и языковые особенности статута как поджанра в англоязычном юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 23 с.
15. Безруков А.В. Конституция РФ и конституционные законы: проблемы иерархии, юридической силы и реализации // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 7–13.
16. О свободном порте Владивосток: Фед. закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ // Российская газета. 2015. 15 июля. № 153.
17. Парламентское право России / А.И. Абрамова, В.А. Витушкин, Н.А. Власенко и др. ; под ред. Т.Я. Хабриевой. М. : Издание Гос. Думы, 2013. 400 с.
18. О нормативных правовых актах Омской области: Закон Омской области от 21.11.2002 № 409-ОЗ // Омский вестник. 2002. 29 ноября. № 54.
19. Устав Приморского края от 06.10.1995 № 14-КЗ // Устав Приморского края. 1995. 16 октября // СПС «КонсультантПлюс Регион» (дата обращения: 25.10.2016).
20. Комментарии к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. М. : Издание Гос. Думы, 2013. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 января 2017 г.

LEGISLATION TEXTS IN THE GENRE ASPECT: THE PROBLEM STATEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 5–12.

DOI: 10.17223/15617793/416/1

Marina V. Batyushkina, Legislative Assembly of Omsk Oblast (Omsk, Russian Federation). E-mail: soulangeana@mail.ru

Keywords: legislative text; concept and features of law; functional style; genre, subgenre.

The article aims to study legislation texts and its basic structural, content and functional genre-formative parameters. The study is based on the author's understanding of legal discourse. Discursive functions of legislative texts include: informational, regulatory, policy, design, impact. The legislative text is defined as a special form of presentation of legal information, and a special way to create a legal reality. The study material is the texts of Russian laws (the Constitution of the Russian Federation, federal laws, regional constitutions (charters and laws) and monuments of Russian law (Russian Truth, Council Code 1649, Pskov Judicial Charter 1467, First Code of the Basic state laws 1832, Code of Fundamental Laws of Land 1906 and others). Works of philologists and lawyers are analyzed. The author describes some of the features of the emergence and development of the concept of law and legal texts. In particular: separation of legal traditions from juridical, ethical and religious customs; overall functionality and themes of various acts; procedures ritual; narrow and broad understanding of the law; written fixation and development of legal language. Yu.M. Lotman's conception of correlation between culture and text is analyzed in this paper. The Russian law system is viewed as a set of legislative texts and text classes. Russian laws (federal and regional) are of generic relations. The author identifies general and specific linguistic and extralinguistic parameters of the genre of the legislative text. The genre-formative parameters include: functional, content, formal. According to the author, the general linguistic features include: the combination of linguistic units of one register, generality, terminological consistency, speech patterns and structural patterns. Legislative texts differ from other legal texts: texts of decrees, regulations, orders. The author analyzes the problem of the internal typology of legislative texts and highlights the subgenres of basic and transforming laws. The concept of a legislative intertext is used in the study of the material. Particular attention is paid to the name and structure of transformative laws. The legislative text loses its text property (static) and acquires the properties of legal discourse: development in time, focus on enforcement, extralinguistic parameters of creation and perception of the text. The methodology of this work includes theoretical approaches, such as a system-structural method, an interdisciplinary method, a genre approach, comparative and source study methods. The novelty and the findings of the author's research are concluded in the opportunity to detect and classify an array of existing terms which are applicable to the issue of texts of laws. Results of the study are important for the development of the theory of genres, document-text legal linguistics. The conclusions of the author can be used to conduct further research on this issue.

REFERENCES

1. Yurtaeva, E.A. (2009) Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolutsionnoy Rossii [Language of laws and legal technique in Pre-revolutionary Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 106–120.
2. Lotman, Y.M. (1992) *Semiotika kul'tury i ponyatie teksta* [The semiotics of culture and the notion of the text]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra.
3. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]: Vol. I. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Pigolkin, A.S. (ed.) (1990) *Yazyk zakona* [Language of laws]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Silchenko, N.V. (1993) *Zakon: Problemy etimologii, sotsiologii i logiki* [Law: Problems of etymology, sociology and logic]. Minsk: Nauka i tekhnika.
6. Petrov, Yu.A. (2013) *Osnovnye zakony XI – XXI v.: tysyacheletie rossiyskogo zakonotvorchestva (pamyatniki rossiyskogo prava s kommentariyami spetsialistov): Otchet o NIR* [Basic laws of the 11th–21st centuries: the millennium of Russian lawmaking (monuments of Russian law with expert commentary): scientific research report]. Moscow: ROSSPEN.
7. Ivanovskiy, V.V. (1909) *Uchebnik gosudarstvennogo prava* [Textbook of public law]. Kazan: [s.n.].
8. Korkunov, N.M. (2010) *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Moscow: ROSSPEN.
9. Zakonodatel'stvo Rossii. (n.d.) *Osnovnye gosudarstvennye zakony 1906 g.* [Basic state laws of the Russian Empire of 1906]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru>. (Accessed: 25th October 2016).
10. Slovonline.ru. (n.d.) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Great Law Dictionary]. [Online] Available from: http://slovonline.ru/slovar_blegal/b-8/id-2060/zakon.html. (Accessed: 25th October 2016).
11. Petrov, Yu.A. (2013) General'nyy reglament 1720 goda [General Regulations' of 1720]. In: *Osnovnye zakony XI – XXI veka: tysyacheletie rossiyskogo zakonotvorchestva (pamyatniki rossiyskogo prava s kommentariyami spetsialistov): Otchet o NIR* [Basic laws of the 11th–21st centuries: the millennium of Russian lawmaking (monuments of Russian law with expert commentary): scientific research report]. Moscow: ROSSPEN.
12. Yurtaeva, E.A. (2010) K ponimaniyu zakona v dorevolutsionnoy Rossii [On Interpretation of the Law in Pre-Revolutionary Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 83–98.
13. Zhukova, M.E. (2011) Zakonodatel'nyy diskurs kak ob'ekt semioticheskogo issledovaniya [Legislative discourse as an object of semiotic study]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya" – Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian Philology*. 5. pp. 46–52.
14. Borisova, L.A. (2010) *Kompozitsiya i yazykovye osobennosti statuta kak podzhanra v angloyazychnom yuridicheskom diskurse* [The composition and language features of the statute as a sub-genre in the English legal discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
15. Bezrukov, A.V. (2015) Constitution of the Russian Federation and the constitutional legislation: issues of hierarchy, validity and implementation. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 38 (48). pp. 7–13. (In Russian).
16. Rossiyskaya gazeta. (2015) O svobodnom porte Vladivostok [On the free port of Vladivostok]. Federal Law 212-FZ of 13.07.2015. *Rossiyskaya gazeta*. July 15. 153.
17. Abramova, A.I. et al. (2013) *Parlamentskoe pravo Rossii* [The parliament law of Russia]. Moscow: Izdanie Gos. Dumy.
18. Omskiy vestnik. (2002) O normativnykh pravovykh aktakh Omskoy oblasti [On normative legal acts of Omsk Oblast]. *Law of Omsk Oblast* 409-OZ of 21.11.2002. *Omskiy vestnik*. 29 November. 54.
19. Konsul'tantPlyus Region. (1995) *Ustav Primorskogo kraya* [Charter of Primorsky Krai]. Law of Primorsky Krai of 06.10.1995. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 25th October 2016).
20. Lastochkina, M.I. & Tikhomirova, N.Yu. (2013) *Kommentarii k Metodicheskim rekomendatsiyam po yuridiko-tekhnicheskomu oformleniyu zakonoproektov* [Methodological recommendations on the technical construction of draft law: commentary]. Moscow: Izdanie Gos. Dumy.

Received: 25 January 2017